

«Где вайб?» Как не застрять в устаревшей культурной критике и вернуть себе рефлексию в дискуссии о социальных сетях

ЕКАТЕРИНА В. КОЛПИНЕЦ

независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-6541-375X>

Рекомендация для цитирования:

Колпинец Е. В. (2025) «Где вайб?» Как не застрять в устаревшей культурной критике и вернуть себе рефлексию в дискуссии о социальных сетях. *Социология власти*, 37 (1): 236–255. EDN: YEKYIR

For citation:

Kolpinets E. V. (2025) “Where’s the Vibe?” How to Avoid Getting Stuck in Outdated Cultural Criticism and Reclaim Reflection in the Social Media Discussion. *Sociology of Power*, 37(1): 236–255.

Поступила в редакцию: 20.12.2024; прошла рецензирование: 06.02.2025; принята в печать: 10.03.2025
Received: 20.12.2024; Revised: 06.02.2025; Accepted: 10.03.2025

© Kolpinets E. V., 2025

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме

В статье рассматриваются особенности современной левой культурной критики социальных сетей на примере работ нидерландского теоретика медиа, основателя Института сетевых культур Герта Ловинка. Первая часть статьи посвящена связи профессиональной траектории автора (между европейским андеграундом 80–90-х, активизмом, публицистикой и академией) и антиутопической риторики, лежащей в основании его критики технологий. Во второй части рассматриваются основные тезисы «В плену у платформы. Как нам вернуть себе интернет» — книги, которая дает повод поговорить о специфическом месте активизма в академии и о совмещении ролей исследователя и активиста. Обращаясь к ряду проблем платформенного капитализма — от сбора и торговли пользовательскими данными до принудительного перевода всех рабочих процессов в Zoom во время пандемии, Ловинк рассматривает платформенный капитализм в контексте общеизвестной критики неолиберализма. В качестве решения целого ряда проблем он предлагает совершить коллективный исход с глобальных платформ, утверждая, что пользователи «оказались заперты в “виртуальных клетках”, не зная, как оттуда выбраться и двигаться дальше». Центральным тезис работы сводится к тотальной пассивности пользователей социальных сетей, больше неспособных самостоятельно противостоять «платформенному капитализму», что про-

тиворечит выводам в массе антропологических и этнографических исследований, опубликованных на момент выхода работы Ловинка и доказывающих, что взаимоотношения пользователей с платформами в большинстве случаев оказываются куда более сложными и неочевидными. Главный тезис автора, равно как и намеренное игнорирование чужих исследований, не вписывающихся в выбранную им антиутопическую риторику, по нашему мнению, напрямую связан со специфическим институциональным положением Ловинка — левого активиста внутри академии, продуцирующего публицистические тексты. Данная статья предлагает обратить внимание на то, как происходит смешение ролей левого активиста, публициста и академического исследователя, какие проблемы влечет за собой подобное смешение и каким образом профессиональная траектория автора влияет на выбранный им стиль критики технологий.

Ключевые слова: социальные сети, платформы, интернет-активизм, левая критика технологий, активизм, Герт Ловинк

“Where’s the Vibe?” How to Avoid Getting Stuck in Outdated Cultural Criticism and Reclaim Reflection in the Social Media Discussion

Ekaterina V. Kolpinets

Independent researcher, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-6541-375X>

Abstract

This paper examines the characteristic features of contemporary left-wing cultural critique of social media on an example of the writings of Geert Lovink, a Dutch media theorist and founder of the Institute of Network Cultures. The first part of the paper scrutinizes the connection between the author’s professional trajectory and the dystopian rhetoric underlying his critique of technology. The second part explores the main theses of ‘Stuck on the Platform. Reclaiming the Internet’, Lovink’s most recent monograph. I use it as a starting point for a discussion on the specific place of activism in the academy and the combined roles of researcher and activist. Turning to a number of issues of platform capitalism — from the collection and trading of data to the conversion of all workflows to Zoom during the pandemic — Lovink frames platform capitalism in the context of the well-known critique of neoliberalism. He constructs social media users as totally inactive and no longer able to resist the ‘platform capitalism’ on their own. I show that this assumption contradicts the existing anthropological and ethnographic studies published at the time of Lovink’s work. In actuality, user relationships with platforms are in most cases far more complex and non-obvious. I suggest that the shortcomings of Lovink’s theoretical reasoning are directly related to the author’s institutional position as a left-wing activist within the academy, who, at the same time, produces journalistic texts.

Keywords: social media, platforms, internet activism, left-wing critique of technology, activism, Geert Lovink

Между сквотом и академией. О профессиональной траектории Герта Ловинка

Нидерландский теоретик медиа, автор 12 книг, основатель Института сетевых культур, профессор Амстердамского университета прикладных наук Герт Ловинк с конца 1980-х писал критические эссе о технологиях и контркультуре, был активным участником амстердамского андеграунда, учился на программе по психологии масс в институте Курта Башвица, которая позже была преобразована в программу «Медиа и коммуникации».

Вот как он описывает свой профессиональный путь в одной из глав «Критической теории интернета»:

На пике нескончаемого экономического недовомания 1980-х я пережил своего рода экзистенциальный кризис. В 1983 году я получил магистерскую степень по политологии — моя диссертация была посвящена финансированию альтернативных проектов. Она включала проведенное совместно с Эвелин Любберс исследование кейса сквоттерской еженедельной газеты *Bluf!*, одним из основателей которой я стал в 1981 году и которой руководил полтора года. В свое время газета достигла общенационального тиража в 2500 экземпляров. Как и многие другие представители моего поколения, я жил на пособие, находя приют в сквотах и путешествуя между Амстердамом и Западным Берлином, когда вокруг наступала неолиберальная реакция Рейгана и Тэтчер. Печальный упадок автономных движений, в которых я состоял, и расставание с университетом после магистратуры — все это оставляло отнюдь не много профессиональных возможностей для нас, постхиппи (или пре-яппи). Я чувствовал себя слишком независимым интеллектуалом для роли журналиста или бюрократизированного активиста из НКО. С середины 1987 года я решил называть себя «теоретиком медиа», куда бы это меня ни привело (Ловинк 2024, с. 91).

В конце концов, Ловинк вернулся в академию: в 2002 году он получил степень PhD в университете Мельбурна, его диссертация была посвящена динамике развития критики интернет-культуры в 1990-е годы. В основу текста легли четыре тематических исследования некоммерческих сетей: амстердамского провайдера *The Digital City* (DDS); рассылки *Nettime*, в создании которой принимал участие он сам; сайта о медиаискусстве *Syndicate* и одного из первых стриминговых сервисов *Xchange*. Ловинка интересовали новые модели сетей и сообществ в условиях стремительного роста доступа к интернету и новых конфликтов, связанных с модерацией и авторскими пра-

вами на контент в онлайн-сообществах¹.

В 2004 году Ловинк создает собственный междисциплинарный исследовательский центр — Институт сетевых культур в Амстердаме. «Сетевые культуры» не ограничиваются только интернетом и охватывают различные области исследований, такие как дизайн, активизм, современное искусство, философию, политическую теорию, урбанистику. Вместе со своей командой он выстроил полуакадемическую институцию с собственной издательской программой, опирающейся на обширную сеть его знакомых исследователей по всему миру, через которых распространяются книги института. Как сказано на сайте организации, интернет можно понять только на стыке различных областей и направлений исследований². Одна из заявленных целей института — создание устойчивых исследовательских сетей вокруг вышеупомянутых тем, в которые может быть внесен критический вклад. Сам институт многократно организовывал события как в университетах, так и сквотах, где люди из академии встречались с художниками, гиками, техноэнтузиастами, создающими собственные нишевые платформы и цифровые проекты.

239

Коллаж, антиутопия, мемы: о стиле критики технологий

Стиль критики Ловинка обусловлен его многолетним пограничным существованием между университетом, художественным андеграундом, активизмом и левой публицистикой. Последний пункт особенно важен: в своих текстах он бегло пересказывает важные для него работы о связи капитализма, интернета и пользовательского поведения. Причем фрагменты философских текстов чередуются с цитатами из публицистики, художественных книг, твитами и мемами. Несмотря на многолетний опыт разработки собственных концепций (например, концепции «организованных сетей»), Ловинк, по сути, не выходит за границы эссеистики, поскольку не дает своим концепциям и идеям внятного методологического и теоретического обоснования. Место теории здесь занимает общий для всех его текстов абстрактный антиутопический нарратив о пассивности пользователей, не осознающих своей зависимости от технологий, о важности демократизации социальных сетей и, наконец, о необходимости исхода с крупнейших платформ, «мани-

1 Dynamics of Critical Internet Culture. <https://networkcultures.org/blog/publication/no-01-dynamics-of-critical-internet-culture/> (дата обращения: 03.12.2024)

2 <https://networkcultures.org/about/>

пулирующих нашим вниманием и торгующих нашими данными». Этот нарратив стал штампом левой критики за прошедшее десятилетие и помогает писать эффектную публицистику на стыке теории и анархистских листовок.

Вот как характеризует стиль Ловинка автор русскоязычного перевода «Критической теории интернета» Дмитрий Лебедев:

У Ловинка критика отказывается быть системной или четко нормативной, а скорее, выстреливает интуициями и напоминаниями о том, что дизайн нашей медийной повседневности — не то, чем кажется, и он должен стать объектом новых политических интервенций. Его теория не стесняется перескакивать между мемами, невинными твитами, медицинскими диагнозами и литературой, переставая на этом пути быть теорией в привычном смысле — ее язык становится по-маклюэновски афористичным, однако остается куда более приземленным, чем, скажем, язык цифровой эстетики и теории аффектов, которые также пытаются осмыслить замыкание нашей телесности и психики внутри аппарата цифровых медиа (Ловинк 2024, с. 3).

240

Ключевые понятия эссеистики Ловинка, равно как и объекты, на которые направлена его критика, заимствованы, о чем он сам прямо сообщает, как правило, не предлагая никакого концептуального переосмысления или смещения смысла этих понятий. Надзорный капитализм, утечки данных, скандал вокруг Cambridge Analytica¹, монополия технологических компаний Кремниевой долины, общество рейтингов в Китае, пузыри фильтров как «угроза гражданскому обществу и демократии», зависимость от смартфонов и связанные с ней проблемы ментального здоровья — все эти темы были детально описаны и отрефлексированы в публицистике и (около)академической литературе 2010-х. Будь то «Надзорный капитализм» политолога Шошанны Зубофф (Зубофф 2022), «Пузыри фильтров» журналиста Эли Паризера (Пализер 2012) или «коммуникативный капитализм» политического теоретика Джоди Дин (Dean 2005), Ловинк коллажирует фрагменты этих и других книг таким образом, чтобы получилось динамичное повествование, добавляя от себя риторические вопросы и восклицания в таком духе:

Кто-то готов к серьезной конфронтации и конфликту? Или лучше пока спросить совета у терапии, начать с признания того, что у нас проблемы («Да, мы в плену»)?

1 Речь о скандале 2016 года, когда личные данные 50 млн пользователей социальной сети Facebook* без их ведома оказались в распоряжении компании Cambridge Analytica.

Что убило сети? Их имманентная «открытость» и неформальность или же отсутствие коллективной воли делать что-либо, кроме как тыкать в кликбейтные заголовки? (Ловинк 2024, с. 50).

Почему перед рекомендациями YouTube так сложно устоять? и наконец: «Где вайб?» (Ловинк 2024, с.16).

Подобная вторичность тем не менее не помешала Ловинку получить признание и стать частью критического мейнстрима. Несмотря на доминирующую активистскую составляющую, созданная им внутри академии структура именуется «институтом». Создание института Ловинк инициировал после того, как его назначили на должность профессора в Амстердамском университете прикладных наук, где он занимался междисциплинарными исследованиями. Его книги публикуются в престижных западных издательствах (Verso, Routledge MIT Press), он регулярно участвует в международных конференциях как авторитетный теоретик медиа. По нашему мнению, устойчивое распространение в академии взглядов таких авторов, как Ловинк, представляет проблему для критических исследований медиа. Поэтому стоит подробнее рассмотреть вопрос: на чем основывается главный тезис его последней на данный момент книги «В плену у платформы»?

241

Кто находится «В плену у платформы»?

В данный момент на русский язык переведены две книги Ловинка из двенадцати — «Критическая теория интернета» (2019, второе издание 2024) и «В плену у платформы. Как нам вернуть себе интернет» (2024). Обе представляют собой сборники эссе разных лет, связанные общим антиутопическим нарративом и публицистическим стилем.

«В плену у платформы» (оригинальное название «Stuck on the Platform», что буквально переводится как «Застыть в платформе») вышла на английском языке в 2021 году и представляет собой реакцию на пандемию и ее главные атрибуты — локдаун, изоляцию, дистанционную работу с Zoom-созвонами. Вошедшие в книгу эссе посвящены зум-усталости, привилегированному положению компаний Кремниевой долины на IT-рынке, перестройке динамики власти в интернете, культуре отмены, «гиперчувствительности онлайн»¹ и альтернативным моделям монетизации контента.

¹ «Вы разгневаны, взбудоражены, но все равно отступаете в безопасность своей норы. Когда уже ничто не помогает вам от усталости, это значит, что вы достигли конца нисходящей спирали. Вы не обращаете внимания на сим-

Главный тезис книги: интернет начинался в 1990-х годах как открытое пространство, предлагающее свободный и беспрепятственный обмен идеями, мнениями и товарами, пока такие крупные интернет-компании, как Facebook*, Amazon или Twitter*, не стали контролировать весомую часть Сети. Теперь беспомощные пользователи находятся в заложниках у платформ и способны испытывать лишь чувство усталости. Вот почему нам нужно вернуть себе платформы, снова сделать их общественным достоянием. Пользователям необходимо тактическое создание малых организованных сетей и коллективный исход с платформ, которые превратились в машины сбора данных, где алгоритмы решают, какой контент нам показывать; они манипулируют не только данными, но и нашими жизнями.

«Давайте примем нашу цифровую судьбу. Мы — многие миллиарды пользователей — находимся в плену у платформ. Нарастающий в мире цифрового колдовства дисбаланс не привел ни к революции, ни к бунту, но никуда не делся. Добро пожаловать в эпоху Великого Застоя. Мы чувствуем изнеможение. Из цифровой бездны на нас смотрят многочисленные этические, политические и поэтические вопросы. Можно ли изнутри состояния изнеможения — что по определению предполагает лишь отчаяние, поражение, уныние — преобразовать это состояние во что-то иное?» (Ловинк 2024, с. 72).

Решение проблемы Ловинк видит в двух вещах — спекулятивной теории стективизма¹ и концепте организованных сетей. Теперь отправной точкой в разработке новой техносоциальности должна стать группа, а не отдельный пользователь; социальное, а не индивидуальное:

Инструменты будут временными и целенаправленными, ориентированными на то, что нужно сделать сейчас, а не на шеринг ради шеринга. Таким образом, мы перейдем от профиля к проекту, от простого лайка — к коллективному принятию решений, от поведенческой — к социальной психологии. В этом смысле стективизм — лишь одна

птомы и дорого за это заплатите — впрочем, теперь уже неважно» (с. 73) — типичный пример исследовательского подхода Ловинка; так он описывает термин «гиперчувствительность онлайн».

1 Ловинк ссылается на работу Бенджамина Браттона «Стек», вышедшую в MIT Press в 2016 году, в которой автор описывает «стек» как глобальную мегаструктуру взаимосвязанных компьютерных систем, включающую в себя не только технологию и программное обеспечение, но также пользователей, природные ресурсы и корпоративные инфраструктуры. Подробнее см.: (Bratton 2016).

* Принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ, и запрещены.

из множества опций. Распределенные формы коллективного дизайна помогут нам вылезти из болота (Ловинк 2024, с. 192).

На протяжении всей книги Ловинк на разные лады воспроизводит одни и те же риторические вопросы: как мы можем использовать технологии, чтобы действительно сделать мир лучше? Можно ли разработать программное обеспечение для более справедливого перераспределения ресурсов? Можно ли перепрограммировать технологии для обеспечения конфиденциальности, а не для облегчения добычи данных? Почему за последние десять лет мы не создали другой интернет, платформы или альтернативные приложения?

Обычные пользователи предстают в книге абстрактной массой с одинаковым набором привычек, который не зависит от возраста, пола, социального класса, страны проживания, не способными отразиться и понять, что они «застряли в платформе». Как говорит сам Ловинк в многочисленных интервью, невидимость интернета стала нормой, так же как рутина, повторение, плавность интерфейсов и, конечно же, его аддиктивная природа (мы вспоминаем про интернет, только когда он перестает работать). Для молодых людей социальные сети интегрированы в их повседневную жизнь. Это такая же часть жизни, как одежда или посещение школы.

У подобного взгляда на интернет и пользователей платформ есть как минимум три крупных недостатка.

243

Выдуманная пассивность пользователей

Первая и, вероятно, главная проблема в рассуждениях Ловинка — представление о тотальной пассивности пользователей, не способных осознать своей зависимости от социальных сетей, а тем более противостоять ей самостоятельно.

И в своих ранних работах, и в «Плену у платформы» Ловинк уделяет большое внимание рассмотрению «аутсайдеров» и представителей андеграунда — «гиков», «художников», «хакеров». На протяжении последних тридцати лет он возлагает на эти богемные фигуры большие надежды, всячески подчеркивая их креативность и способность инициировать изменения (например, создавать альтернативы корпоративным платформам в виде тех самых организованных сетей), а также сетует на то, как неолиберальная политика вытесняет их на обочину.

В интервью изданию The Baffler Ловинк говорит:

Двадцать или двадцать пять лет назад художники, гики и дизайнеры были теми, кто больше всего экспериментировал, исследуя киберпространство. В настоящее время для этого очень мало места. Сейчас время тратится на то, чтобы оставаться на связи, наводить порядок в онлайн. Как мы можем создать новые формы андеграунда в этой

среде? Для этого нам сначала нужно выйти из сети. Я активно поддерживаю использование компьютера в качестве организационного инструмента, но этот инструмент предназначен для небольших групп. Именно поэтому мы в Институте сетевых культур разрабатываем идею организованных сетей, которые построены на сильных связях, и выступаем против социальных сетей по той простой причине, что эти платформы используют только слабые связи¹.

Исходя из такой логики, только гики и представители андеграунда, по совместительству работающие в небольших исследовательских центрах внутри крупнейших университетов, знают, как именно нужно противостоять тоталитарной власти платформ. Только они способны создать альтернативы крупнейшим социальным сетям, действовать осознанно и организовано, а также придумать инструменты, чтобы наконец помочь выбраться на свет обычным пользователям, застрявшим в платформе.

Ссылаясь на «Надзорный капитализм» Шошанны Зубофф, Ловинк пишет:

244

Прошли те старые добрые времена, когда британская школа исследований культуры обнаруживала у пассивных потребителей скрытые стратегии подрывной апроприации. Нам остро нужна агентность, которой у нас нет. Миллиарды пользователей интернета рассматриваются либо с осуждением — как пчелки, которые трудятся на благо Долины, либо с сожалением — как зависимые жертвы очередного заговора (Ловинк 2024, с. 61).

К слову, сам Ловинк сочетает в своих текстах оба этих взгляда на пользователей. Удивительно, как откровенно элитистская позиция уживается с активистским прошлым Ловинка и его левоанархистскими взглядами. Рассуждения о необходимости горизонтальных малых сетей в его книгах спокойно соседствуют с рассуждениями о «пассивных пользователях», не способных ни к рефлексии, ни к действию. Подобная позиция никак не отрефлексирована самим Ловинком ни в его книгах, ни в интервью, ни в исследовательских проектах. Он отпускает едкие комментарии в адрес академии и неакадемических критиков интернета, не замечая при этом уязвимости и откровенной противоречивости собственной позиции.

Рассуждая о том, что «критики интернета пока так и не смогли выйти из тени «старых медиа» и «оказались в маргинальном положении частных экспертов и колумнистов, которое не позволяет им включиться в более широкие дебаты о необходимых изменениях»,

1 Meyer W. Q & A with Geert Lovink, <https://thebaffler.com/latest/q-geert-lovink> (дата обращения: 03.12.2024)

Ловинк критикует и академических исследователей — тех, кто, «подчиняясь логике рейтинговой системы, публикуется в закрытых рецензируемых журналах, что ограничивает их влияние». Следом он утверждает, что «нет никакого наследия теории медиа или digital humanities, которое нужно защищать, — не говоря уже о поддержке мертворожденной профессии “интернет-критика”. Лучше не впадать в педантичные упражнения по разграничению и защите академических территорий с их канонами и методами» (Ловинк 2024, с. 25).

Между тем именно «разграничением и защитой академических территорий», равно как и поддержкой мертворожденной, по его мнению, позиции интернет-критика и занимается Ловинк, когда раз за разом воспроизводит суждения о пассивных пользователях. Подобную риторику можно сравнить с процедурой «оболванивания» ученика в классической педагогике, о которой писал Жак Рансьер в работе «Невежественный учитель»: невежество ученика полностью конструируется учителем, создающим ситуацию нехватки знания — главного ресурса, которого у учителя по умолчанию больше (Рансьер 2023). В этой ситуации интеллектуальные способности учителя и ученика не равны и никогда не будут равны. В свою очередь, Ловинк конструирует фигуру оболваненного пользователя, отчужденного и несчастного, неспособного разобраться в хитросплетениях работы алгоритмов, противостоять вовлекающим интерфейсам Twitter* или Facebook*. Пользователи отчуждены и несчастны — и даже не знают об этом.

245

Нетрудно ответить на вопрос о том, отделяют ли нас смартфоны со своими приложениями от жизни и превращают ли нас в рабов. Мы не живем, а имеем лишь некое подобие жизни, мы только мечтаем, как избежать смерти, а вся наша жизнь — культ этой самой смерти. Следуя за Спинозой и Делёзом, мы можем сказать, что Facebook* нуждается в сломленных душах, как и сломленные души нуждаются в Facebook* (Ловинк 2024, с. 85).

Кроме монотонного воспроизводства фигуры оболванивающего педагога, Ловинк в своей книге также игнорирует огромное число исследований, которые не вписываются в его антиутопический нарратив, поскольку убедительно доказывают наличие агентности интернет-пользователей, возможность индивидуального и коллективного сопротивления алгоритмическим системам социальных сетей.

* Принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ, и запрещены.

Антропология против эссеистики

Выбрав такой стиль критики, Ловинк отказывается признавать комплексную реальность платформ и приложений, а также сложную и часто неочевидную систему отношений между людьми и техникой. На момент выхода в свет книги на английском языке существовали уже десятки этнографических и антропологических исследований, посвященных вариативности пользовательских практик в социальных сетях. Перечислим некоторые из них.

В 2014 году инженер и художник Бен Лайт своей книге «Disconnecting with Social Networking Sites» описал альтернативные способы мышления пользователей относительно взаимодействия с сайтами социальных сетей. Анализируя взаимоотношения людей с платформами в публичных местах, на работе и в частной жизни, Лайт предложил взглянуть на эти отношения как на спектр возможностей, а не систему ограничений. В зависимости от ситуации люди избирательны в выборе того, во что вовлекаться, а чего избегать в цифровых средах. Они способны самостоятельно выбрать, какими соцсетями пользоваться, а какими нет, в какой момент поставить смартфон на беззвучный режим и игнорировать уведомления, а когда, напротив, стоит пристально за ними следить. Причем их мотивы могут быть самыми разными: от желания взять паузу для отдыха до желания произвести хорошее впечатление на собеседника (Light 2014).

Еще десять лет назад Лайт сформулировал, что пользователь может находиться в разных режимах потребления контента, где многочасовой скроллинг чередуется с цифровым детоксом. Условно режим вирусного пользователя чередуется с режимом бережного пользователя. Причем эти режимы могут чередоваться в течение одного дня. Это напоминает поведение в реальной жизни, где один и тот же человек может сегодня пообедать в фастфуде, а завтра — в ресторане молекулярной кухни.

В 2017 году в статье «Алгоритмическое воображаемое: исследование обыденных эффектов алгоритмов Facebook*» датская медиаисследовательница Тина Бухер вводит понятие «алгоритмическое воображаемое». Алгоритмическое воображаемое стоит понимать как способ, которым люди представляют, воспринимают и переживают встречу с алгоритмами и то, как эта встреча влияет на опыт в реальной жизни; это определение больше относится к социальному пространству, где люди представляют себе, что такое алгоритмы и как они функционируют (Buchner 2017).

* Принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ, и запрещены.

25 респондентов, которых Бухер опросила в ходе этнографического исследования, рассказывали, как пытались подстроить под себя алгоритмы Facebook*, попутно делясь чувствами, которые испытывали, сталкиваясь с работой алгоритмов. Исследовательницу интересовал разговорный, непрофессиональный уровень воображения по поводу технологий, проявляющийся в повседневных практиках. Представления о работе и устройстве алгоритмов у респондентов сильно различались и зависели от прошлого опыта и пользовательских практик: постил человек или только читал и лайкал чужие посты, листал ленту с компьютера или смартфона, сколько раз в день и на какое время заходил в Facebook*. Респонденты строили предположения, почему, по их мнению, они видят в ленте рекламу, не соответствующую их интересам, или почему посты одних друзей видны каждый день, а других людей алгоритмическая лента скрывает продолжительное время.

Схожий взгляд на алгоритмы предложила британская медиаисследовательница, антрополог Софи Бишоп в статье 2019 года, посвященной алгоритмическим сплетням (Bishop 2019). «Алгоритмические сплетни» — обобщающий термин для теорий и стратегий, относящихся к алгоритмам рекомендаций, которыми обмениваются друг с другом YouTube-блогеры, чтобы повысить видимость своих видео. Сплетни продуктивны: обсуждение поддерживает такие практики, как частые загрузки видео и производство специализированного тематического контента для более эффективной работы с рекомендательным алгоритмом. Основываясь на глубинных интервью с создателями контента на YouTube, Бишоп хотела выяснить, каким образом блогеры обсуждают друг с другом способы обхода алгоритмической системы рекомендаций видео и как в этих обсуждениях рождаются конкретные практики противостояния системам алгоритмов.

Алгоритмические сплетни носят коллективный характер: создающие контент на одних и тех же платформах передают свой алгоритмический опыт через формализованные рассылки, закрытые группы Facebook* и через личные запросы на предоставление информации от своих подписчиков. С методологической точки зрения сплетни представляют собой сложный объект — он не статичен или часто не воспроизводим из-за изменчивой природы алгоритма YouTube. Тем не менее сплетни вполне жизнеспособны как инструмент познания работы алгоритмов. Это дает возможность более осмысленно подходить к обсуждениям о границах алгоритмиче-

* Принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ, и запрещены.

ских систем и размышлять о том, как эти границы конструируются и переопределяются.

Схожий тезис выдвигает антрополог Ник Сивер в своей статье о тактиках этнографии в исследовании алгоритмических систем. Он утверждает, что необходимо новое понимание алгоритмов — не математическое и формальное, а этнографическое (Seaver 2017). Как и другие аспекты культуры, алгоритмы реализуют себя в повседневных практиках, которые не учитывают строгого различия между техническими и нетехническими аспектами, а скорее смешивают их вместе. Опираясь на онтологию-в-практике Аннмари Мол, Сивер предлагает посмотреть на алгоритмы как на набор практик, в которых участвуют и пользователи, и разработчики. Идея Мол состояла в том, что этнографические объекты не существуют сами по себе — мы утверждаем их через действия. В данном случае алгоритмы утверждаются и через написание кода, и через то, как пользователи взаимодействуют с готовыми интерфейсами, а также тем, как об алгоритмах говорят в профессиональном сообществе и вне его.

248

Этнографический подход к алгоритмам предлагает понимать их как часть культуры, образованную не только рациональными вычислительными процедурами, но и институтами, людьми, пересекающимися контекстами, где важную роль играет обыденный опыт. Этот подход отличается от канонических экспертных подходов, считающих алгоритмы абстрактными процедурами, так же как отличается от прочих культурных подходов к алгоритмам, которые пытаются локализовать их на границах культуры. Этнография помогает уделить внимание эмпирическим ситуациям, которые не обязательно будут стабильными или связными.

Пользовательской агентности в сети посвящен исследовательский проект¹ антрополога Габриэля Де Сета в университете Бергена. Де Сета использует термин «алгоритмический фольклор» для описания пользовательских практик, где фольклор становится способом экспериментально исследовать новую технологию, чтобы лучше ее понять. Алгоритмический фольклор, равно как и цифровой двумя десятилетиями ранее, — не просто фольклор, существующий в цифровой среде. Это также инструмент для понимания устройства данной среды, понимания инфраструктуры.

Само знание об алгоритмах оказывается не теоретическим, а экспериментальным, произведенным в соавторстве с самим алгоритмом. Исследователя интересует широкий спектр форм повторного присвоения пользователями технических инструментов в сети

1 Investigating the modern myths of algorithms. <https://www.uib.no/en/cdn/166832/investigating-modern-myths-algorithms> (дата обращения: 03.12.2024)

и то, как подобное присвоение порождает новый вид народного творчества — не чисто человеческий или машинный, но порожденный их взаимодействием.

В интервью, посвященном исследовательскому проекту, Де Сета говорит, что его главной мотивацией всегда был интерес к неофициальным, неакадемическим и непрофессиональным практикам:

Лично я нахожу более увлекательным вопрос — «как системы должны работать по сравнению с тем, что люди на самом деле делают в этих системах?». Цифровой фольклор для меня — это не просто забавный мем, которым поделились на Facebook*. Часто он многое раскрывает о самих медиа — кто их контролирует, ими управляет, как они структурированы¹.

Де Сета, как и Ловинк, начинал свои исследования в качестве энтузиаста-одиночки и пришел в академию из той области, которую позже решил изучать. Только, в отличие от Ловинка, он возвращает полученные знания тем, кто хочет понять, как функционируют инструменты и что означает их поведение в сети.

Наконец, вышедшая в 2024 году книга итальянских медиаисследователей Тициано Бонини и Эмильяно Трере «Алгоритмы сопротивления: Повседневная борьба против власти платформ» посвящена трем темам: власти платформ, человеческой агентности и алгоритмическому сопротивлению (Bonini, Tere 2024). В основу книги легло многолетнее полевое исследование того, как алгоритмы не только порождают угнетение, но и могут быть использованы пользователями для сопротивления власти технологических компаний. Из множества категорий пользователей, которые ежедневно сталкиваются с силой платформ, исследователи рассматривают три — это гиг-работники, такие как таксисты или курьеры, художники, музыканты, представители общественных движений и политических партий. Хотя книга признает дисбаланс власти между платформами и пользователями, она также предлагает более сложное и нюансированное видение данного конфликта.

Исследуя то, как люди взаимодействуют с алгоритмами в своей работе, творчестве или политической деятельности, Бонини и Трере наглядно демонстрируют, как пользователи способны изобретать практики и тактики для обхода и ограничения алгоритмической власти, особенно в случаях, когда они способны организоваться и действовать коллективно. Опираясь на результаты полевых ис-

* Принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ, и запрещены.

1 Algorithmic Folklore (interview with Gabriele de Seta). <https://matterofimagination.neocities.org/blog4> (дата обращения: 03.12.2024)

следований и интервью с курьерами и водителями онлайн-платформ доставки еды в Индии, Китае, Мексике, Италии и Испании, исследователи показывают, что формы сопротивления работе алгоритмов — это рациональные практики, обусловленные иными мотивами, чем те, что закодированы в алгоритмах платформ онлайн-доставки еды. Пользователи платформ также начали самоорганизовываться, объединяясь сначала в неформальные группы солидарности, такие как частные онлайн-группы в WhatsApp*, Telegram и Facebook*, а затем и в официальные ассоциации.

В Неаполе члены частной группы курьеров в WhatsApp* организовали Casa del Rider — городское пространство, где они могли встречаться и отдыхать от работы. Нечто подобное, но гораздо более структурированное, происходит в Джакарте, где возникают сотни неформальных ассоциаций курьеров, построивших придорожные приюты, где курьеры и водители могут встретиться, обменяться информацией, подзарядить смартфоны и дожидаться следующего заказа. Помимо Индонезии, подобные ассоциации взаимопомощи, координируемые через WhatsApp*, возникли в Китае, Мексике и других странах Глобального Юга.

250

В конце книги Бонини и Трере приходят к выводу, что платформенному капитализму требуется время, чтобы превратить пользователей — будь то курьеры Deliveroo или Instagram*-блогеры — в дисциплинированных работников, строго следующих правилам и конкурирующих друг с другом. В то же время возникают и развиваются практики, которые либо сдерживают этот процесс, либо имеют потенциал повлиять на него. Подобно тому, как в XVIII-XIX веках возник английский рабочий класс, постепенно формируется новый платформенный «рабочий класс» со своей собственной специфической культурой, резко контрастирующей с культурой платформ.

Игнорирование контекста

Еще одна серьезная проблема Ловинка заключается в том, что его рассуждения о власти платформ и возможных путях сопротивления этой власти плохо переносятся в контекст других стран, как внутри условно обобщенного Запада, так и за его пределами.

Один из постоянных тезисов автора — альтернативой большим платформам социальных сетей должны стать малые организованные группы, а также миграция на другие площадки (например, Fair Phone, DuckDuckGo, Jitsi и Etherpad). Следом он предлагает и вовсе оставить

* Принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ, и запрещены.

вопрос платформы в стороне, чтобы «полностью сосредоточиться на разработке и внедрении альтернатив платформам как таковым»:

Такова стратегия движения Varia 16, ориентированного на «федеративную вселенную» Mastodon в сочетании с Discord, Signal, Telegram и автономными аутопойетическими сайтами постблоговых сообществ. Четвертая стратегия, которую можно озаглавить «офлайн имеет значение», сосредоточена на поэзии и эстетике (само)организации. Эти радикальные концепции выходят за рамки политических партий, местных инициатив, кооперативов и традиционных профсоюзов (Ловинк 2024, с. 201).

Как человек, находящийся в контексте русскоязычных платформ, я на протяжении всей книги ждала, когда же наконец в качестве альтернативы платформам Кремниевой долины будет упомянут Telegram. И он появляется в тексте Ловинка, но ровно один раз, в момент, когда перечисляются схожие, по его мнению, платформы — Mastodon, Signal и Discord. Пожалуй, это лучшая иллюстрация полного непонимания какого бы то ни было иного контекста, отличного от контекста образованного представителя среднего класса, живущего в Западной Европе и принадлежащего к академическим кругам.

Любое утверждение Ловинка о пассивности пользователей, невозможности сопротивляться уведомлениям, вовлекающему дизайну, троллингу или алгоритмам разбивается как о массив эмпирических исследований, так и об опыт миллионов русскоязычных пользователей.

251

В марте 2022 года, после того как компанию Meta* признали экстремистской на территории РФ и доступ к ее продуктам стал возможен только с использованием VPN, люди массово начали мигрировать в Telegram¹. К тому моменту он уже стал не просто мессенджером, а полноценной платформой с собственной цифровой экосистемой, где личные и рабочие чаты соседствовали с разветвленной, сложно-устроенной системой телеграм-каналов. В свою очередь, телеграм-каналы делятся на сотни и тысячи категорий и ниш. Внутри этой системы существуют собственные формы коммуникации, этические кодексы, системы монетизации и рекламы, сети распространения

* Принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ, и запрещены.

1 Платформы адаптируются к пользовательскому поведению, но и пользователи адаптируются к поведению платформ. По данным исследования мобильного оператора МТС, после блокировки Instagram* в марте 2022 года ежемесячное количество пользователей соцсети снизилось на 35%, а у Facebook* — на 77%. Наибольшие темпы роста после блокировки Meta* демонстрировал Telegram: в октябре 2023 года охват аудитории платформы составил 82,3 миллиона человек, что было на 15% больше, чем в октябре 2022-го, и на 62% больше, чем в октябре 2021-го.

ния новостей, проверенных и сомнительных источников и, наконец, многоуровневая система тех самых малых организованных групп, о которых так грезит Ловинк на протяжении всей своей книги.

Помимо всего вышеперечисленного, внутри Telegram нет алгоритмической системы ранжирования контента, а до недавнего времени не было и встроенной рекламы. Мессенджер дает возможность двигаться в своем темпе и на уровне личного общения, и на уровне потребления информации в телеграм-каналах и чатах. Пользователь может выбирать, хочет ли он оперативно реагировать на информацию в каналах и личных чатах, либо вообще отключить любые уведомления; эти пользовательские режимы можно совмещать и чередовать, в зависимости от контекста и обстоятельств. В случае, если у пользователя есть собственный телеграм-канал, можно совмещать и чередовать личный и публичный режимы высказывания, причем последний подразумевает спектр возможностей: можно реагировать и вступать в диалог с подписчиками, либо отключить реакции и возможность комментариев.

252 Telegram, где на протяжении как минимум последних шести лет одновременно сосуществует частная жизнь пользователей и система нишевых тематических и крупных государственных телеграм-каналов, — по сути, во многом стал той самой альтернативой большим платформам, о которой идет речь в книге Ловинка. Политический активизм и андеграундные частные проекты тут сосуществуют с государственной машиной медиа, инициативы энтузиастов — с желанием расширить аудиторию и строить личный бренд, как это происходило в Instagram* или YouTube на протяжении 2010-х.

Во время московской презентации «В плену в платформы», в которой Ловинк участвовал по видеосвязи, автор этого текста задала ему прямой вопрос: знает ли он, что такое Telegram и конкретно Telegram-каналы? Нидерландский теоретик ответил, что это мессенджер по типу WhatsApp*, где есть чаты и группы. В частности, он сам состоит в нескольких таких группах, созданных современными художниками из Восточной Европы. Ответа на вопрос, на какие каналы подписан он сам и осведомлен ли о том, как они устроены, не последовало. В представлении Ловинка это был просто «еще один мессенджер», не заслуживающий того, чтобы останавливаться на нем более подробно.

Заключение

В контексте всего вышесказанного куда интереснее другой вопрос, которого Ловинк старательно избегает: какова функция левого акти-

* Принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ, и запрещены.

визма внутри академии? Что хотят сказать своим читателям люди, из года в год рассуждающие о пассивных пользователях, живущих во времена всемогущих корпораций, и почему в этих рассуждениях стабильно игнорируется массив исследований, где убедительно показано, что пользователи социальных сетей не пассивны, а корпорации — не всемогущи?

Тексты Ловинка представляют собой монотонное полотно, где господствующими настроениями оказываются тревога и страх¹, а социальные роли всегда монолитны и неподвижны: пользователи всегда выступают в роли жертвы, в то время как государства и технологические компании обладают практически безграничной властью. Подобная монотонность скрывает за собой сразу несколько проблем.

Первая состоит в том, что при внешней динамичности подобной левой критики, по сути, она остается глубоко консервативной. Призывы к «исходу с платформ» и «необходимости создания горизонтальных приложений, ориентированных на группу, а не личный профиль» производят противоположный эффект — их авторы выглядят людьми, для которых реальные проблемы реальных пользователей оказываются совсем неважны. Гораздо важнее — сохранить собственный статус-кво в академии и интеллектуальном поле. Реальной целью монотонного использования одного и того же набора тезисов про капитализм, платформы и депрессию видится потребность социально маркировать говорящего как человека «правильных взглядов», чьи книги достойны внимания, а исследования — финансирования.

Вторая проблема заключается не в собственно левой критике технологий как таковой, а в том, как быстро подобная критика становится выхолащенной и малосодержательной, в то время как ее автор одновременно пытается усидеть на трех стульях — науки, публицистики и активизма. Это смешение организует хаос, за которым все сложнее разглядеть реальное содержание высказывания, и практически автоматически исключает более глубокое рассмотрение предмета исследования и возможность оперировать другой методологией. Но то же самое смешение, помимо очевидных негативных издержек с точки зрения чистой науки, оказывается очень удобным для того, чтобы производить все новые и новые антиутопические тексты о технологиях, не сверяясь с иным исследовательским и пользовательским опытом.

Наконец, третья проблема обнаруживается в смешении активизма и его медийной репрезентации, которые в случае Ловинка оказываются синонимами. У медийного активизма, безусловно, есть

1 Предыдущая книга Ловинка была посвящена депрессии подростков, которую якобы провоцируют социальные сети, и называлась *Sad by design*. См.: «Sad by Design On Platform Nihilism» (2019).

свои плюсы, поскольку он подразумевает привлечение внимания к определенной проблеме через создание различных эпицентров обсуждения в сети: от разработчиков программного обеспечения до междисциплинарных исследователей и художников. Вместе с тем современный активизм этим не исчерпывается. Множество важных активистских инициатив невидимы и никак не представлены в медийном поле (по разным причинам: от личных обязательств активистов до безопасности участников), что никак не умаляет их значимости. Возникает вопрос: для чего людям типа Ловинка необходимо ставить между активизмом и его медийным измерением знак равенства? К чему подобные активисты действительно хотят привлечь внимание: к платформам, ставшим местом эксплуатации и неравенства, или к собственной персоне?

Бонини и Трере демонстрируют более взвешенный и ответственный подход: в заключении своего исследования прямо пишут — из какой позиции написана их книга: они родились и выросли в рабочих семьях ниже среднего класса в центральной Италии, но при этом признают, что их классовый опыт отличается от опыта их респондентов, а их положение исследователей, живущих и работающих на Глобальном Севере, дает привилегии, которых нет у участников исследования.

На вопрос самого Ловинка «Где вайб?», кажется, есть несколько ответов: в исследовательской рефлексии и способности человека понять, из какой позиции он говорит с читателем; в разграничении позиций академического функционера, публициста и активиста и понимании нюансов каждой из них; наконец, в способности видеть результаты коллег, не вписывающиеся в собственную антиутопическую риторику, и чувствительности к частным пользовательским стратегиям, идущим вразрез с рассуждениями о безграничной власти платформ.

Список источников / References

Зубофф Ш. (2022) *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Изд-во Института Гайдара.

— Zuboff Sh. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism. The Battle for the Human Future on the New Frontiers of Power*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (in Russ.)

Ловинк Г. (2024) *В плену у платформы. Как нам вернуть себе интернет*. М.: Ad Marginem.

— Lovink G. (2024) *Captive to the Platform. How Can We Reclaim the Internet?* Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)

Ловинк Г. (2024) *Критическая теория интернета*. М.: Ad Marginem.

— Lovink G. (2024) *Critical Theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)

Паризер Э. (2012) *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* М.: Альпина Бизнес Букс.

— Pariser E. (2012) *Behind the Wall of Filters. What Is the Internet Hiding from You?* Moscow: Alpina Business Books. (in Russ.)

Рансьер Ж. (2023) *Невежественный учитель*. М.: Музей современного искусства Garage.

— Rancière J. (2023) *The Ignorant Teacher*. Moscow: Garage Museum of Contemporary Art. (in Russ.)

Bishop S. (2019) Managing visibility on YouTube through algorithmic gossip. *New Media & Society*, 21(11-12). <https://doi.org/10.1177/146144481985473>

Bonini T., Trere E. (2024) *Algorithms of Resistance: The Everyday Fight against Platform Power*. MIT Press.

Bratton B. (2016) *The Stack. On Software and Sovereignty*. MIT Press.

Bucher T. (2017) The algorithmic imaginary: exploring the ordinary affects of Facebook algorithms. *Information. Communication & Society*, 20(1). <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154086>

Dean J. (2005) Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics. *Cultural Politics*, 1(1). <https://doi.org/10.2752/174321905778054845>

De Seta G. (2024) *Investigating the modern myths of algorithms*. <https://www.uib.no/en/cdn/166832/investigating-modern-myths-algorithms>

255

Light B. (2014) *Disconnecting with Social Networking Sites*, Palgrave Macmillan.

Meyer W. (2016) *Q & A with Geert Lovink*. <https://thebaffler.com/latest/q-geert-lovink>

Seaver N. (2017) Algorithms as culture: Some tactics for the ethnography of algorithmic systems. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717738104>

Об авторе / About the author

Колпинец Екатерина Владимировна — исследователь социальных сетей, цифровой антрополог, автор книги «Формула грез. Как соцсети создают наши мечты» (Individuum, Москва, 2022). Москва, Российская Федерация. Научные интересы: антропология и этнография социальных сетей, блогинг, онлайн видимость, современные теории медиа.

<https://orcid.org/0000-0002-6541-375X>. E-mail: katerinakolpinets@gmail.com

Ekaterina V. Kolpinets — social media researcher, digital anthropologist and ethnographer of vernacular internet cultures, book «Formula of Dreams. How Social Media Produce Our Desires» (Individuum, Moscow, 2022). Moscow, Russian Federation. Research interests: anthropology and ethnography of social media, blogging, online visibility, social media pop cultures, modern media theory.

<https://orcid.org/0000-0002-6541-375X>. E-mail: katerinakolpinets@gmail.com